Поэма Аул Бастунджи

Category: Kitapcy,Poemalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
Поэма Аул Бастунджи ПОЭМА АУЛ БАСТУНДЖИ

Посвященье

1

Тебе, Кавказ, — суровый царь земли —
Я снова посвящаю стих небрежной:
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежной;
На севере в стране тебе чужой
Я сердцем твой, — всегда и всюду твой!..

2

Твоих вершин зубчатые хребты
Меня носили в царстве урагана,
И принимал меня лелея ты
В объятия из синего тумана.
И я глядел в восторге с высоты,
И подо мной как остов великана,
В степи обросший мохом и травой,
Лежали горы грудой вековой.

3

Над детской головой моей венцом
Свивались облака твои седые; —
Когда по ним катался гром,
И пробудясь от сна, как часовые,
Пещеры откликалися кругом,
Я понимал их звуки роковые,
Я в край надзвездный пылкою душой

Летал на колеснице громовой!..

4

Моей души не понял мир — ему
Души не надо. В мрак ее глубокой
Как вечности таинственную тьму
Ничье живое не проникнет око.
И в ней-то недоступные уму
Живут воспоминанья о далекой
Святой земле… ни свет, ни шум земной
Их не убьет… я твой! я всюду твой!..

Глава первая

I

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрыт от бурь и вольностью богат.
Его уж нет. Кудрявыми кустами
Покрыто поле: дикий виноград
Цепляясь вьется длинными хвостами
Вокруг камней, покрытых сединой,
С вершин соседних сброшенных грозой!

II

Ни бранный шум, ни песня молодой
Черкешенки уж там не слышны боле;
И в знойный, летний день табун степной
Без стражи ходит там, один, по воле;
И без оглядки с пикой за спиной
Донской казак въезжает в это поле;
И безопасно в небесах орел,
Чертя круги, глядит на тихий дол.

III

И там, когда вечерняя заря

Бледнеющим румянцем одевает
Вершины гор, — пустынная змея
Из-под камней резвяся выползает;
На ней рябая блещет чешуя
Серебряным отливом, как блистает
Разбитый меч, оставленный бойцом,
В густой траве на поле роковом.

IV

Сгорел аул — и слух об нем исчез.
Его сыны рассыпаны в чужбине…
Лишь пред огнем, в туманный день, черкес
Порой об нем рассказывает ныне
При малых детях. — И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «скажи,
«Не знаешь ли аула Бастунджи?»

V

В ауле том без ближних и друзей
Когда-то жили два родные брата,
И в Пятигорье не было грозней
И не было отважней Ак-булата.
Меньшой был слаб и нежен с юных дней,
Как цвет весенний под лучом заката!
Чуждался битв и крови он и зла,
Но искра в нем таилась… и ждала —

VI

Отец их был убит в чужом краю,
А мать Селим убил своим рожденьем,
И хоть невинный начал жизнь свою,
Как многие кончают, преступленьем!
Он душу не обрадовал ничью,
Он никому не мог быть утешеньем;
Когда он в первый раз открыл глаза,

Его улыбку встретила гроза!..

VII

Он рос один… по воле, без забот,
Как птичка, меж землей и небесами!
Блуждая с детства средь родных высот,
Привык он тучи видеть под ногами,
А над собой один безбрежный свод;
Порой в степи застигнутый мечтами
Один сидел до поздней ночи он,
И вкруг него летал чудесный сон.

VIII

И земляки — зачем? то знает бог —
Чуждались их беседы; особливо
Паслись их кони… и за их порог
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селим не мог,
Свой тонкий стан высокий и красивый
В бешмет шелковый праздничный одев,
Привлечь одной улыбки гордых дев.

IX

Сбиралась ли ватага удальцов
Отбить табун, иль бранною забавой
Потешиться… оставя бедный кров,
Им вслед, с усмешкой горькой и лукавой,
Смотрели братья, сумрачны, без слов,
Как смотрит облак иногда двуглавой,
Засев меж скал, на светлый бег луны,
Один, исполнен грозной тишины.

X

Дивились все взаимной их любви,
И не любил никто их… оттого ли,

Что никому они дела свои
Не поверяли, и надменной воли
Склонить пред чуждой волей не могли?
Не знаю, — тайна их угрюмой доли
Темнее строк, начертанных рукой
Прохожего, на плите гробовой…

XI

Была их сакля меньше всех других,
И с плоской кровли мох висел зеленой.
Рядком блистали на стенах простых
Аркан, седло с насечкой вороненой,
Два башлыка, две шашки боевых,
Да два ружья, которых ствол гранёный,
Едва прикрытый шерстяным чехлом,
Был закопчён в дыму пороховом.

XII

Однажды… Акбулата ждал Селим
С охоты. Было поздно. На долину
Туман ложился как прозрачный дым;
И сквозь него, прорезав половину
Косматых скал, как буркою густым
Одетых мраком, дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозревал задумчивый Бешту.

XIII

Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем, горы снеговые;
Машук, склоняся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в поместия чужие.
С мечети слез мулла: аул дремал…
Лишь в крайней сакле огонек блистал.

XIV

И ждет Селим — сидит он час и два,
Гуляя в поле, горный ветер плачет,
И под окном колышется трава
Но чу! далекий топот… кто-то скачет.
Примчался; фыркнул конь, заржал.. Сперва
Спрыгнул один, потом другой…. что это значит?
То не сайгак, не волк, не зверь лесной!
Он прискакал с добычею иной.

XV

И в саклю входит Акбулат,
Самодовольно взорами сверкая.
Селим к нему: «Ты загулялся, брат!
«Я чай, с тобой не дичь одна лесная.»
И любопытно он взглянул назад,
И видит он: черкешенка младая
Стоит в дверях, мила как херувим;
И побледнел невольно мой Селим.

XVI

И в нем, как будто пробудясь от сна,
Зашевелилось сладостное что-то. —
— «Люби ее! она моя жена!»
Сказал тогда Селиму брат. «Охотой
Родной аул покинула она.
Наш бедный дом храним ее заботой
Отныне будет. — Зара! вот моя
Отчизна, все богатство, вся семья!»

XVII

И Зара улыбнулась, и уста
Хотели вымолвить слова привета,
Но замерли. — Вдоль по челу мечта
Промчалась тенью. По словам поэта,

Казалось, вся она была слита,
Как гурии, из сумрака и света;
Белей и чище ранних облаков
Являлась грудь, поднявшая покров;

XVIII

Черны глаза у серны молодой,
Но у нее глаза чернее были;
Сквозь тень ресниц, исполнены душой,
Они блаженством сердцу говорили!
Высокий стан искусною рукой
Был стройно перетянут без усилий;
Сквозь черный шелк витого кушака
Блистало серебро исподтишка.

XIX

Змеились косы на плечах младых,
Оплетены тесьмою золотою;
И мрамор плеч, белея из-под них,
Был разрисован жилкой голубою.
Она была прекрасна в этот миг,
Прекрасна вольной дикой простотою,
Как южный плод румяный, золотой,
Обрызганный душистою росой.

XX

Селим смотрел. Высоко билось в нем
Встревоженное сердце чем-то новым.
Как сладко, страстно пламенным челом
Прилег бы он к грудям ее перловым!
Он вздрогнул, вышел… сумрачен лицом,
Кинжал рукою стиснув. — На шелковом
Ковре лениво Акбулат лежал,
Курил и думал… о! когда б он знал!

XXI

Промчался день, другой… и много дней;
Они живут как прежде нелюдимо.
Но раз… шумела буря. Все черней
Утесы становились. С воем мимо,
Подобно стае скачущих зверей,
Толпою разных жадных псов гонимой.
Неслися друг за другом облака,
Косматые, как перья шишака.

XXII

Очами Акбулат их провожал
Задумчиво с порога сакли бедной.
Вдруг шорох: он глядит… пред ним стоял
Селим, без шапки, пасмурный и бледный;
На поясе звеня висел кинжал,
Рука блуждала по оправе медной;
Слова кипели смутно на устах,
Как бьется пена в тесных берегах.

XXIII

И юноше с участием живым
Он молвил: «Что с тобой? — не понимаю!
Скажи!» — «Я гибну!» отвечал Селим,
Сверкая мутным взором: «я страдаю!..
… Одною думой день и ночь томим!
Я гибну!… ты ревнив, ты вспыльчив: знаю!
Безумца не захочешь ты спасти…
Так, я виновен… но, прости!.. прости!..»

XXIV

— Скажи, тебя обидел кто-нибудь? —
Обиду злобы кровью смыть могу я!
Иль конь пропал? — Забудь об нем, забудь,
В горах коня красивее найду я!..
Иль от любви твоя пылает грудь?
И чуждой девы хочешь поцелуя?..

Ее увезть легко во тьме ночной,
Она твоя!.. но молви: что с тобой? –

XXV

– «Легко спросить, но тяжко рассказать
И чувствовать!.. Молился я пророку,
Чтоб ангелам велел он ниспослать
Хоть каплю влаги пламенному оку!..
Ты видишь: есть ли слезы?.. О! не трать
Молитв напрасных… к яркому востоку
И западу взывал я… но в моей
Душе все шевелится грусть, как змей!..

XXVI

«Я проклял небо – оседлал коня;
Пустился в степь. Без цели мы блуждали,
Не различал ни ночи я, ни дня…
Но вслед за мной мечты мои скакали!
Я гибну, брат!.. пойми, спаси меня!
Твоя душа не крепче бранной стали;
Когда я был ребенком, ты любил
Ребенка… помнишь это? иль забыл?..

XXVII

«Послушай!.. бурно молодость во мне
Кипит как жаркий ключ в скалах Машука!
Но ты, – в твоей суровой седине
Видна усталость жизни, лень и скука.
Пускай летать ты можешь на коне,
Звенящую стрелу бросать из лука,
Догнать оленя и врага сразить…
Но… так, как я, не можешь ты любить!..

XXVIII

«Не можешь ты безмолвно целый час

Смотреть на взор живой, но безответный,
И утопать в сияньи милых глаз,
Тая в груди, как месть, огонь заветный!
Обнявши Зару, я видал не раз,
Как ты томился скукою приметной…
Я б отдал жизнь за поцелуй такой,
И… если б мог, не пожалел другой!»

XXIX

Как облака, висящие над ним,
Стал мрачен лик суровый Акбулата.
Дрожь пробежала по усам седым,
Взор покраснел как зарево заката.
— «Что произнесть решился ты, Селим!»
Воскликнул он. — Селим не слушал брата.
Как бедный раб он пал к его ногам,
И волю дал страданью и мольбам.

XXX

«Ты видишь: я погиб!… — спасенья нет… Отчаянье, любовь… везде! повсюду!..
О! ради прежней дружбы… прежних лет…
Отдай мне Зару!.. уступи!.. я буду
Твоим рабом… послушай: сжалься? нет,
Нет!.. ты меня как ветхую посуду
С презреньем гордым кинешь за порог…
Но, видишь: вот кинжал! — а там: есть бог!..

XXXI

«Когда б хотел, я б мог давно, поверь,
Упиться счастьем, презреть все святое!
Но я подумал: нет! как лютый зверь
Он растерзает сердце молодое!
И вот пришло раскаянье теперь,
Пришло — но поздно! я ошибся вдвое,
Я, как глупец, остался на земли,

Один, один… без дружбы и любви!

XXXII

«Что медлить: я готов — не размышляй!
Один удар — и мы спокойны оба.
Увы! минута с ней — небесный рай!
Жизнь без нее — скучней, страшнее гроба!
Я здесь, у ног твоих… решись, иль знай:
Любовь хитрей, чем ревность или злоба;
Я вырву Зару из твоих когтей;
Она моя — и быть должна моей!»

XXXIII

Умолк. Бледней снегов был нежный лик,
В очах дрожали слезы исступленья;
Меж губ слова слились в невнятный крик,
Мучительный, ужасный… сожаленье
Угрюмый брат почувствовал на миг: —
— «Пройдет, сказал он, время заблужденья!
Есть много звезд: одна другой светлей;
Красавиц много без жены моей!..

XXXIV

— «Что дал мне бог, того не уступлю;
А что сказал я, то исполню свято.
Пророк зрит мысль, и слышит речь мою!
Меня не тронут ни мольбы, ни злато!..
Прощай… но если! если…» — «Я люблю,
Люблю ее!» сказал Селим, объятый
Тоской и злобой: «я просил, скорбел…
Ты не хотел!.. так помни ж: не хотел!»

XXXV

Его уста скривил холодный смех;
Он продолжал: «Все кончено отныне!

Нет для меня ни дружбы ни утех!..
…Благодарю тебя!.. ты, как об сыне,
Об юности моей пекся: сказать не грех…
По воле нежил ты цветок в пустыне,
По воле оборвал его листы…
Я буду помнить — помни только ты!..»

XXXVI

Он отвернулся и исчез как тень.
Стоял недвижим Акбулат смущенный,
Мрачней, чем громом опаленный пень. —
Шумела буря. Ветром наклоненный
Скрипел полуразрушенный плетень;
Да иногда грозою заглушенный
Из бедной сакли раздавался вдруг
Беспечной, нежной, вольной песни звук!..

XXXVII

Так, иногда, одна в степи чужой
Залётная певица, птичка юга,
Поет на ветке дикой и сухой,
Когда вокруг шумит, бушует вьюга.
И путник внемлет с тайною тоской,
И думает: то верно голос друга!
Его душа, живущая в раю,
Сошла печаль приветствовать мою!..

XXXVIII

…Селим седлает верного коня,
Гребенкой медной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещет; крепко обвивая
Седло с конем, сцепились два ремня.
Стремёна ровны; плетка шелковая
На арчаге мотается. Храпит,
Косится конь… пора, садись, джигид.

XXXIX

Горяч и статен конь твой вороной!
Как красный угль его сверкает око!
Нога стройна, косматый хвост трубой;
И лоснится хребет его высокой,
Как черный камень, сглаженный волной!
Как саранча, легко в степи широкой
Порхает он под легким седоком,
И голос твой давно ему знаком!..

XL

И молча на коня вскочил Селим;
Нагайкою махнул, привстал немного
На стременах… затрепетал под ним
И захрапел товарищ быстроногой!
Скачёк, другой… ноздрями пар как дым,
И полетел знакомою дорогой,
Как пыльный лист, оторванный грозой,
Летит крутясь по степи голубой!..

XLI

Размашисто скакал он; и кремни,
Как брызги рассыпаяся, трещали
Под звонкими копытами. Они
Сырую землю мерно поражали;
И долго вслед ущелия одни
Друг другу звук передавали,
Пока вдали, мгновенный, как Симун,
Не скрылся всадник и его скакун…

XLII

Как дух изгнанья, быстро он исчез
За пеленой волнистого тумана!..
У табуна сторожевой черкес,
Дивяся, долго вслед ему с кургана

Смотрел и думал: «много есть чудес!..
Велик аллах!.. ужасна власть шайтана!
Кто скажет мне, что этого коня
Хозяин мрачный сын земли, как я?»

Глава вторая

I

Меж виноградных лоз нагорный ключ
От мирного аула недалеко
Бежал по камням, светел и гремуч.
Небес восточных голубое око
Гляделось в нем; и плавал жаркий луч
В его волне студёной и глубокой;
И мелкий дождь серебряных цветов
В него с прибрежных сыпался дерев.

II

Вот мирный час, когда на водопой
Бежит к потоку серн пугливых стая,
Шумя по листьям и траве густой.
Вот час, когда черкешенка младая
Идет купаться тайною тропой.
Нагую кожу в воду погружая,
Она дрожит, смеется… и вокруг
Кидает взгляд, где дышит страсть и юг!

III

Не бойся, Зара! — всюду тишина;
Присядь на камень, сбрось покров узорный!
Вода в ручье прозрачна, холодна;
Смирит волненье груди непокорной,
И освежит твой смуглый стан она.
Но, чу!.. постой!.. чей это шаг проворной
Не в добрый час раздался меж кустов?..
Святой пророк! — скорей, где твой покров?..

IV

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватает руку Зары. Страстен, молод
Огонь руки сей!… Сакля далека…
Что делать? — В грудь ее смертельный холод
Проник, как пуля меткого стрелка,
И сердце громко билось в ней как молот!
— «Селим, ты здесь? — злой дух тебя принес!
Зачем пришел ты?» — «Я?.. какой вопрос!»

V

— «Селим!.. о!.. я погибла!..» — «Может быть;
Так что ж!» — «Ужель! ни капли сожаленья!
Чего ты хочешь?» — «Я хочу любить!
Хочу! — ты видишь: краткие мученья
Меня уж изменили… скучно жить
Как зверю, одному… часам терпенья
Настал последний срок! — я снова здесь.
Я твой: навек, душой и телом: — весь!

VI

«Я знал, что ваш пророк — не мой пророк,
Что люди мне — чужие, а не братья;
И странствовал в пустыне одинок
И сумрачен, как див, дитя проклятья! —
Без страху я давно б в могилу слег;
Но холодны сырой земли объятья…
Ах! я мечтал хоть миг один заснуть,
Мою главу склонив к тебе на грудь!..

VII

«Беги со мной!.. оставь свой бедный дом.
Я молод, свеж — твой муж: старик суровый!
Решись, спеши: мне тайный путь знаком;
Мое ружье верней стрелы громовой;

Кинжал мой блещет гибельным лучом;
Моя рука быстрей, чем взгляд и слово;
И у меня жилище есть в горах,
Где отыскать нас может лишь аллах!

VIII

«Мой дом изрыт в расселинах скалы:
В нем до меня два барса дружно жили.
Узнав пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянув, бросились, завыли…
Я их убил — и в тот же день орлы
Кровавые их кости растащили;
И кожи их у входа, по бокам,
Висят, как тени, в страх другим зверям.

IX

«Там ложе есть из моха и цветов,
Там есть родник, меж ка?мней иссеченный;
Его питает влага облаков,
И брызжет он журча струёю пленной.
Беги со мной!.. никто твоих следов
Не различит в степи, мой друг бесценный!
И только месяц с солнцем золотым
Узнают, как и кто тобой любим!..

X

Обнявши стан ее полунагой,
Едва дыша, склонился к ней устами,
Он ждал ответа с страхом и тоской: —
Она молчала — шаткими ветвями
Шумел над ними ветер полевой,
И тени листьев темными рядами
Бродили по челу ее: — она,
Как мраморный кумир, была бледна.

XI

— «Решись же, Зара: ждать я не могу!..
— Ты побледнела?.. что такое? — слезы?
Но разве здесь ты предана врагу?
Иль речь любви похожа на угрозы?
Иль ты меня не любишь? — нет! я лгу…
Твои уста нежней иранской розы:
Они не могут это произнесть!..
Пусть нет в тебе любви… но жалость есть!

XII

«О, как я был бы счастлив, как богат,
Под звездами аллы?, один с тобою!..
Скажи: тебя не любит Акбулат?
Он зол, ревнив, он пасмурен душою,
И речь его хладнее, чем булат?..
Он для тебя постыл… беги со мною…
Но, ты качаешь молча головой.. —
Не он тобой любим!.. но кто ж другой?

XIII

«Скорей: откуда? где он? — назови —
Я вытвержу зловещее названье…
Я обниму как брата — и в крови
Запечатлею братское лобзанье.
Кто ж он, счастливый царь твоей любви?
Пускай придет, дразнить мое страданье,
При мне тебя и нежить и ласкать…
Я рад смотреть, клянусь… и рад молчать!»

XIV

И он склонил мятежную главу,
И он закрыл лицо свое руками,
И видно было ей, как на траву
Упали две слезы двумя звездами.
Без смысла и без звука, на яву,
Как бы во сне, он шевелил устами

И наконец припал к земле сырой,
Как та земля и хладный и немой.

XV

Ей стало жаль; она сказала вдруг: –
«Не плачь!.. ужасен вид твоей печали!
Отец мой был великий воин: – юг
И север и восток об нем слыхали.
Он был свирепый враг, но верный друг,
И низкой лжи уста его не знали…
Я дочь его, и честь его храню: –
Умру, погибну – но, не изменю!

XVI

– «Оставь меня! Я счастлива с другим!» –
– «Неправда!» – Я люблю его! – «Конечно!!!
Он мой злодей, мой враг!!» – Селим! Селим!
Кто ж виноват? – «Он прав?» – Ужели вечно
Не примиритесь вы? – «Мириться? с ним?
Да кто же я, чтоб злобой скоротечной
Дразнить людей и небо!» – Ты жесток! –
– «Как быть? – такую душу дал мне рок!»

XVII

«Прощай! – уж поздно! Бог рассудит нас! –
Но если я с тобой увижусь снова,
То это будет – знай – в последний раз!..» –
– Он тихо встал, – и более ни слова –
И тихо удалился. – День угас;
Лишь бледный луч из-за Бешту крутова
Едва светил прощальною струёй
На бледный лик черкешенки младой!

XVIII

Селим не возвращался. – Акбулат

Спокоен. Он не видит, что порою
Его жены доселе ясный взгляд
Туманится невольною слезою. –
Вот, раз, с охоты ехал он назад:
Аул дремал в тени таясь от зною;
С мечети божей лишь мулла седой
Ему смеясь кивает головой; –

XIX

И говорит: – «Куда спешишь, мой сын!
Не лучше ли гулять в широком поле?
Черкес прямой – всегда, везде один,
И служит только родине да воле!
Черкес земле и небу господин,
И чуждый враг ему не страшен боле;
Но, если б он послушался меня,
Жену бы кинул – а купил коня!»

XX

– «Молись себе пророку, злой мулла,
И не мешайся так в дела чужие.
Твой верен глаз – моя верней стрела:
За весь табун твой не отдам жены я!» –
– И тот в ответ: «Я не желаю зла,
Но вспомнишь ты слова мои простые!» –
Смутился Акбулат – потупил взор
И скачет он скорей к себе на двор…

XXI

С дрожащим сердцем в саклю входит он,
Глядит: на ложе смятом и разрытом
Кинжал знакомый блещет без ножон. –
Любимый конь не ржет, не бьет копытом,
Нейдёт навстречу Зара: мертвый сон
Повсюду. Лишь на очаге забытом
Сверкает пламень. – Он не взвидел дня: –

Нет ни жены! — ни лучшего коня!!!

XXII

Без сил, без дум, недвижим, как мертвец,
Пронзенный сзади пулею несмелой,
С открытым взором встретивший конец,
Присел он на порог — и что кипело
В его груди, то знает лишь творец! —
Часы бежали. Небо потемнело;
С росой на землю пала тишина;
Из туч косматых прянула луна.

XXIII

Бледней луны сидел он недвижим.
Вдруг слышен топот: все ясней, яснее,
Вот мчится в поле конь. — Как легкий дым
Волною грива хлещет вдоль по шее;
И вьется что-то белое над ним
Как покрывало… Конь летит быстрее…
Знакомый конь!.. вот близко, прискакал…
Но вдруг затрясся, захрипел — и пал.

XXIV

Издохший конь недвижимо лежит,
На нем колеблясь блещет покрывало;
Черкесской пулей тонкий холст пробит:
Кровь запеклась на нём струею алой! —
К коню в смущеньи Акбулат бежит;
Лицо надеждой снова заблистало: —
«Спасибо, друг, — не позабыл меня!»
— И гладит он издохшего коня.

XXV

И покрывала белого конец
Нетерпеливой поднял он рукою;

Склонился — месяц светит: о творец,
Чей бледный труп он видит пред собою? —
Глубоко в грудь, как скорпион, свинец
Впился, насытясь кровью молодою;
Ремень, обвивший нежный стан кругом,
К седлу надежным прикреплён узлом.

XXVI

Как ранний снег бела и холодна,
Бесчувственно рука ее лежала,
Обрызганная кровью… и луна
По гладкому челу, скользя, играла.
С бесцветных уст, как слабый призрак сна,
Последняя улыбка исчезала;
И опустясь ресницы бахромой
Бездушный взор таили под собой.

XXVII

Узнал ли ты, несчастный Акбулат,
Свою жену, подругу жизни старой?
Чей сладкий голос, чей веселый взгляд
Был одарён неведомою чарой,
Пленял тебя лишь день тому назад?..
— Все понял он — стоит над мертвой Зарой;
Терзает грудь и рвет одежды он,
Зовет ее — но, крепок мертвых сон!
……..
……..

1

Да упадет проклятие людей
На жизнь Селима. Пусть в степи палящей
От глаз его сокроется ручей.
Пускай булат руке его дрожащей
Изменит в битве; и в кругу друзей
Тоска туманит взор его блестящий;

Пускай, один бродя во тьме ночной,
Он чей-то шаг все слышит за собой.

2

Да упадет проклятие аллы?
На голову убийцы молодова;
Пускай умрет не в битве — от стрелы
Неведомой разбойника ночнова,
И полумертвый на хребте скалы
Три ночи и три дня лежит без крова;
Пусть зной палит и бьет его гроза
И хищный коршун выклюет глаза!

3

Когда придет, покинув выси гор,
Его душа к обещанному раю,
Пускай пророк свой отворотит взор
И грозно молвит: «я тебя не знаю!»
Тогда, поняв язвительный укор,
Воскликнет он: прости мне! умоляю!..
И снова скажет грешнику пророк:
«Ты был жесток — и я с тобой жесток!»

XXVIII

— И в ту же ночь за час перед зарёй
С мечети грянул вещий звук набата.
Народ сбежался: — как маяк ночной
Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокруг нее огонь вился змеёй,
Кидая к небу с треском искры злата;
И чей-то смех мучительный и злой
Сквозь дым и пламя вылетал порой.

XXIX

И ниц упал испуганный народ.

«Молитесь, дети! — это смех шайтана!»
Сказал мулла таинственно — и вот
Какой-то тёмный стих из алкорана
Запел он громко. — Но огонь ревет
И мечется сильнее урагана,
И не внимая жалобным мольбам,
Расходится по крышам и стенам.

XXX

И зарево на дальних высотах
Трепещущим румянцем отразилось;
И серна гор, лежавшая в кустах,
Послышав крик, вздрогну?ла, пробудилась.
Её невольно обнял тайный страх:
Стряхнув с себя росу, она пустилась;
И спавшие под сению скалы
Взвилися с криком дикие орлы.

XXXI

Сгорел Аул — и слух об нем исчез:
Его сыны рассыпаны в чужбине. —
Лишь иногда в туманный день черкес
Об нём, вздохнув, рассказывает ныне
При малых детях. — И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?..»

Михаил ЛЕРМОНТОВ. Poemalar